

Л.Я. Костючук

Народные образы под пером А.С. Пушкина

КОГДА готовились к 100-летней годовщине со дня смерти А.С. Пушкина, создавали особые издания трудов А.С. Пушкина и старались осознать его роль в истории культуры, поскольку революционные события заставляли задуматься о культурных достижениях прошлого. Лучшие литературоведы понимали значимость творчества и личности А.С. Пушкина в становлении и русской литературы, и русского литературного языка. Прекрасно пишет В.А. Десницкий: "В плане европейском Пушкин - первый великий европейский поэт русской нации, на новом языке, в новых образах и звуках отразивший новый российский участок европейской действительности своей эпохи".¹ Постоянно сравнивали значимость Пушкина со значимостью в мировой культуре таких личностей, как Данте, Шекспир, Гете. И справедливо поставил вопрос В.А. Десницкий: "... это уже вопрос не меры гения Пушкина, а меры "всемирности" той России, в которой жил и творил Пушкин".² И его роль возрастала потому, что "он был первым поэтом на новом европейском языке, поэтом молодой национальной культуры, слагавшейся в соседстве и во взаимоотношениях с культурами более зрелыми".³ Такая оценка Пушкина в преддверии 1937 года подводила итоги столетним спорам вокруг имени

Костючук Лариса Яковлевна - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Псковского пединститута им. С.М.Кирова.

А.С. Пушкина и утверждала место А.С. Пушкина не только в русской культуре, но и всей европейской, мировой.

В преддверии 200-летнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина нет никакого сомнения в той великой роли, которую сыграл гений Пушкина в русской литературе, в русском языке, в русской культуре, выведя их на уровень мировых.

Когда интересуешься языком поэта и прозаика, знаешь о близости поэта к народному языку и об его умении использовать народные языковые особенности в своих произведениях, при чтении и пристальном перечитывании поэтических строчек Пушкина удается обнаружить необычные слова, выражения и образы, которые служат созданию соответствующей картины. Это всегда определенный отрезок жизни, касающийся прежде всего русской действительности. Если читатель и исследователь языка Пушкина неожиданно обращает внимание на отдельное слово или выражение, то при более внимательном рассмотрении текста, в котором обнаружено такое слово или выражение, выявляется органическая связь отдельного фрагмента со всем содержанием текста, его основной мыслью.

Так, в "Евгении Онегине" есть строки о настроениях автора в ожидании свободы:

Придет ли час моей свободы?

Пора, пора! - зываю к ней.

А далее:

Брожу над морем, жду погоды,

Маню ветрила кораблей.

В строчке “Брожу над морем, жду погоды” представлен в трансформированном виде русский фразеологизм сидеть у моря и ждать погоды, зафиксированный и В.И. Далем как сизжу у моря, да жду погоды в значении ‘выжидаю чего’ (IV, 181⁴). Составители Словаря языка Пушкина тоже отметили авторскую трансформацию народного образа, поэтому и приводят этот пример с пометой “В изм. соч.” (т.е. “в измененном сочетании”) под исходной формой народного фразеологизма сидеть у моря, ждать погоды в значении ‘находиться в состоянии неопределенного ожидания’ (III, 405⁵). В толкование выражения довольно точно введено слово неопределенное по отношению к существительному ожидание. Это свидетельствует о том, что исходный образ связан с ожиданием хорошей погоды, благоприятной для морских путешествий, но обычно этот фразеологизм несколько ироничен, так как предполагается именно неопределенное ожидание (неизвестно, как долго ждать у моря нужной погоды). И хотя Пушкин жаждет начать “вольный бег” “по вольному распутию моря”, поскольку “пора покинуть скучный брег” ему “неприятной стихии” (поэт даже живо рисует такую картину, что будто бы его желание сбылось), он оформляет свое высказывание вопросом “когда?”, т.е. тоже понимает неопределенность благоприятного решения своей судьбы. В текстах пушкинских произведений пять раз встречается этот фразеологизм в более или менее полной форме. Но в художественном произведении только один приведенный пример

из “Евгения Онегина”; остальные случаи - в письмах, где Пушкин может и более определенно намекнуть на изменение погоды: “Много у меня начато, ничего не кончено. Сизжу у моря, жду перемены погоды” (СЛЯП, III, 405) (в этом случае слово погода употреблено, видимо, в значении ‘непогода, ненастье’). Ожидание связывается у Пушкина с изменением обстоятельств в жизни: “Я сунулся было в Москву, да узнав, что туда никого не пускают, воротился в Болдино да жду погоды” (III, 405) (от фразеологизма остается только вторая часть; исходный образ погоды предполагает значение благоприятной погоды, хорошего состояния атмосферы).

Настолько глубоким было проникновение Пушкина в русский язык, в его образы, в его идиоматику, что авторские преобразования и собственные поэтические образы не разрушали точности языкового содержания и в то же время способствовали обновлению образа и раскрытию идейного содержания произведения.

В XIX веке широко было известно латинское выражение (пословица) ex ungue leonem (буквально “по когтям льва (узнают)”) и более полное ex ungue leonem, ex auribus asinum (буквально “по когтям льва, по ушам осла (узнают)”). Сокращенное выражение ex ungue leonem употреблялось в двух значениях: 1) ‘выдающегося мастера (писателя, художника, ученого и т.п.) можно угадать по незначительным черточкам’ и 2) ‘угадать автора нетрудно’.⁶ В русской традиции есть типологически адекватные пословицы; исходные об-

разы в них соответствуют российской действительности. Пословица Знать зверя по когтям, знать и по копытам (и по клыкам) (Даль, II, 129) - более абстрактный вариант того, что по характерным деталям узнается целиком.⁷ Пословица Осла знать по ушам, медведя по когтям, а дурака по речам (Даль, II, 695) хорошо соотносится с латинской, где есть образы осла и льва (в русской традиции актуален медведь (а не лев), как самый большой зверь, заслуживающий особого внимания в традиционной связи человека и животного мира. Кроме того, в русской пословице, как часто это наблюдается в паремиологических выражениях, есть расширение за счет третьей части - а дурака по речам (знать), что, во-первых, подчеркивает двуплановость, а значит, и переносный характер пословицы; во-вторых, устанавливает взаимосвязь человеческого и животного миров; в-третьих, раскрывает противопоставление высокого (это связывается с образом медведя) и низкого (это связывается с образом осла).

В традиции прошлого, когда печатали произведения и без подписи автора, надеясь, что и так узнают создателя той или иной публикации по характерным особенностям его художественного слога ("Державин, никогда не подписывающий своих стихотворений, представляя узнавать их ex ungue leonem, поместил здесь многие из лучших своих стихотворений". Добролюбов⁸); когда даже специально посылались в издательства произведения без подписи под девизом ex ungue leonem, А.С. Пушкин в небольшом стихотворном рассказе повествует, что тоже написал стихи без подписи, а "журнальный

шут о них статейку тиснул, Без подписи ж пустив ее злодей" (в названии критика журнальным шутком сквозит иронично-неодобрительное отношение Пушкина к нему; эпитет злодей усиливает такое отношение; название труда критика статейкой пренебрежительно характеризует писания журналиста). Затем критик называется площадным шутком, действующим там, где собираются городские массы (ср.: СлЯП, III, 371). И вот Пушкин-автор всенародно узнал критика "по ушам" (видимо, неумная была публикация - "статейка"), в то время как журналист поэта "по когтям узнал... в минуту" (мастера можно узнать по незначительным черточкам в его произведении!). Назван этот поэтический рассказ А.С. Пушкина латинским фразеологизмом - ex ungue leonem, хотя в тексте рассказа используются обе половины латинской или русской пословицы о мудром и глупом, а узнаются мудрый и глупый по незначительным, но характерным для каждого деталям.

Поскольку в самом стихотворении нет упоминания о льве, которого узнают по когтям (мысль о льве возникает в связи с латинской пословицей в заглавии), а названы только когти, только уши соответствующих животных, то можно было бы ассоциировать эти образы и с русской пословицей о медведе и об осле как символах чего-то значительного и ничтожно-глупого, как и в латинской пословице речь идет о льве и осле.

На образе из русской народной игры основано стихотворение "Жив, жив курилка!" - о журналисте, который "сух и скучен, и груб, и глуп, и завистью разму-

чен", да еще "все тискает в свой непотребный лист и старый вздор, и вздорную новинку". Начинается стихотворение с вопроса-удивления: "Как! Жив еще курилка журналист?" Вопрос как бы передает, что у автора была надежда на то, что уже нет этого журналиста, хотя исходно в народной речи, безотносительно к соответствующей игре, возгласы "Жив курилка, жив не помер!", "Жив курилка, жива надежда моя!", "Жив, жив курилка!" означают радостное сообщение о существовании кого- или чего-нибудь (ср. Даль, II, 222).

Заглавие же стихотворения А.С. Пушкина "Жив, жив курилка!" в соответствии с содержанием всего стихотворения передает, что речь идет "о лице или явлении, которое должно было бы исчезнуть, прекратить существование" (СЛЯП, II, 438), поскольку журналист не вызывает у автора симпатии. По отношению к его профессиональным действиям, как и в стихотворении "Eх ungue leonem", избирается А.С. Пушкиным глагол тискать/тиснуть, т.е. 'печатать/напечатать' (ср.: СЛЯП, IV, 513). Издание журналиста названо непотребным, т.е. 'плохой, никуда не годный' (СЛЯП, II, 823) (это слово в таком значении использовано только в этом стихотворении и в одном из пушкинских писем). Печатает этот журналист только "старый вздор" и "вздорную новинку", т.е. все, что связано с пустяками, нелепостью, бессмыслицей (ср.: СЛЯП, I, 267), будь то старым или новым (мена определяемого и определяющего с корнем вздор- и антитеза, заключенная в корнях стар- и нов-, хорошо передает идею полного охвата всего материала, печатаемого журналистом, отрицательно оцениваемого поэтом).

Необычно употребление слова курилка в качестве приложения к слову журналист. В народном языке курилка - это "головенка из спички, дымящаяся лучинка и самая игра, в которой спичка переходит из рук в руки, с приговоркою: "Жив, жив курилка!" или все вместе поют песню курилку (ножки тоненьки, душа коротенька), и выходит из круга, у кого курилка погаснет" (Даль, II, 222).

Если в народной игре присутствует интерес, чтобы лучинка как можно дольше не погасла, то в стихотворении поэт мечтает, "как уморить курилку моего" (ср. как антитезу народное восклицание: "Жив курилка, жив не помер!"), "как загасить вонючую лучинку" (вонючая лучинка - своеобразная расшифровка названия курилка как приложения к слову журналист в тексте стихотворения, причем неблагоприятные действия журналиста вызывают отрицательное отношение к нему; поэтому и возникает определение вонючая к слову лучинка; загасить такую лучинку - страстное желание автора). И следует совет: "Да... плюнуть на него", - представляющий игру слов, каламбур (плюнуть в буквальном смысле - 'выбросить изо рта слюну', тогда действие, обозначенное глаголом плюнуть, погасит вонючую, тлеющую, чадящую лучинку; плюнуть в переносном значении - 'полностью пренебречь кем-, чем-нибудь, перестать обращать внимание на кого-, что-нибудь; оставить, бросить, покинуть кого-, что-нибудь (надоевшее, неприятное, ненужное) [на кого, что и без доп]' (СЛЯП, III, 374), тогда такое отношение позволяет не обращать внимание на журналиста, его деятельность, что поставит его смерть как деятеля.

Таким образом, использовав

народный образ и идею игры с горящей лучинкой, переосмыслив его в образ чадящей лучины, которая рано или поздно должна погаснуть, А.С. Пушкин передает настоятельное желание не обращать внимание на недостойных журналистов, которые позволяют себе быть поработанными такими низменными чувствами, как зависть ("завистью размучен: размучить - `сильно измучить`. СЛЯП, III, 946). Через яркий образ, известный тем, кто понимает народные обычаи, А.С. Пушкин смог передать некоторые стороны важной для него темы взаимоотношений поэта, с одной сторо-

ны, и журналистов, критиков, издателей - с другой.

Чтение А.С. Пушкина через осознание фрагментов его текстов помогает понять направленность его образного мышления, восприятие им действительности, обнаруживает его знание русской народной и европейской идиоматики, умение оживлять известные образы и создавать на их основе несколько новые. Без широкого знания русской народной и мировой культуры, уникального чувства языка невозможны были бы те удивительные шедевры, которые поражают своей яркостью и прозрачностью, когда каждое слово, каждый образ целесообразны и соразмерны.

Примечания

1. Десницкий В.А. Пушкин и мы // А. Пушкин. Сочинения. Л., 1935. С. IX.
2. Там же.
3. Там же.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1956. [Здесь и в дальнейшем: Даль, римская цифра - том, арабская цифра - страница.]
5. Словарь языка Пушкина. Т. I-IV. М., 1956-1961. [Здесь и в дальнейшем: СЛЯП, римская цифра - том, арабская цифра - страница.]
6. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. Т. 1. М.-Л., 1966. С. 500.
7. Ср. у В. Сомова рассуждение по поводу латинского выражения *ex pede Herculem* "по ноге узнаем Геркулеса, т.е. по части узнаем целое" (Сомов В. По-латыни между прочим: Словарь латинских выражений. М., 1992. С. 44).
8. См.: Бабкин А.М., Шендецов В.В. Указ. раб. С. 500.